

72-ЧН
Ц-89

В. А. УХИН

ЛЮДИ
ТВОРЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

1956

Константин Иванович Каплин

КРЕПОСТНОЙ АСТРОНОМ

Же радовались в семье рукавичника Каплина, в селе Богородском, появлению на свет в сентябре 1835 года еще одного ребенка. И без того отец и мать, крепостные крестьяне, работали не покладая рук и едва-едва кормились с семьей.

— Лишний роток — лишний часок работать придется, — пошутил зашедший сосед.

— Барину — нова мужска душа, лишний рукавишник, новый оброк, — сдержанно оценивал появление Кости другой сосед, тоже рукавичник по профессии.

Мать, склонясь над люлькой мальчика, грустно улыбнулась и, как бы оправдываясь, сказала:

— Чего поделаешь — бог дал, не выкинешь!

Нежеланным вошел в жизнь ребенок. Он мог бы порадовать в других условиях отца с матерью, так как был необычайно крупным, здоровым и спокойным мальчуганом.

Ремесло рукавичников, или, как в старину называли, карпачей, считалось исконным в семье Каплиных. Этим уже предопределялась судьба маленького Кости: быть, как и все в роду, рукавичником.

Село Богородское славилось издревле этим промыслом. Даже старики не помнили—кто, как и когда занес его сюда.

Обрезки кожи да всюду раскинутые рукавицы, или, как их называли здесь, голицы, были первыми игрушками Кости. Мать смиряла расшалившегося сына страшными словами: „барин“, „бурмистр“, „староста“...

Когда подросток Костя Каплин, пришлось ему ходить нередко с сумой. Мать, надевая на мальчика суму, наказывала:

— Сходи на другой конец села, попроси христа ради хлебушка кусочек.

Село Богородское являлось тогда центром вотчины Сергея Шереметева. Сам помещик жил в имении „Лазарево“, в нескольких верстах от Богородского. По богатству, силе и связям Шереметев не знал равных себе в округе. Даже губернаторы, приезжая в Нижний на службу, первыми приезжали к нему с визитом. В своем имении Шереметев творил что хотел, и никто пикнуть не смел против жестокого крепостника. В большой нужде и нищете жили у этого богатого помещика крепостные крестьяне.

Прошло несколько лет. Услыхав, что с осени некоторые товарищи идут учиться грамоте, Костя настойчиво стал просить отца отдать и его учиться. С „поклоном“ отвел отец Костю к дьячку и просил дьячка взять по бедности подешевле.

Страшновато стало мальчугану, когда суровый дьячок строго сказал:

— Смотри! У меня сидеть тише мыши и понимать всякую премудрость.—И „учитель“ внушительно потряс перед учеником рукой, в которой была большая линейка. Но дело пошло с учебой успешно, и учитель полюбил Костю. Скоро бойкому в науке мальчику почти нечему было учиться у дьячка. А жажда знаний была велика. Упорно искал юноша книги, увлекался математикой. Подражая Ломоносову, читать о котором он любил, испробовал свои силы в стихосложении и рисовании. Выходило и здесь неплохо.

Рукавичник из Кости тоже получился неплохой,

Другие шили 15—20 пар в рабочий день, он шил 25 и больше. Но как только ему исполнилось 18 лет, барин напомнил о себе, наложив на Каплиных дополнительный оброк—25 рублей серебром в год. А это значило в те времена дополнительно две с половиной тысячи пар рукавиц сшить или 100 полных рабочих дней целиком на барский оброк работать.

В ту пору в жизни Кости Каплина произошла резкая перемена: из одной барской петли он попадает в другую. Умер брат барина Николай Шереметев, владелец соседней деревни. Подражая Ломоносову, молодой Каплин написал оду на смерть барина. Стихи пошли по рукам, заучивались, распевались. Узнал помещик, вызвал Костю к себе.

— Ты это писал?

„Ну пропал“,—мелькнуло в голове Кости, как только он увидел бумажку со своими стихами в руках у барина.

— Я... виноват, ваше превосходительство,—сознался Константин Каплин.

— Ничего, братец, не бойся: я не гневаюсь. Хорошо написано. Видать, грамотный. Удивительно, где ты смог выучиться? Ну, да я не сержусь, что без моего ведома учился.

Костя молчал.

— Хочешь, пошлю тебя учиться?

— Хочу,—еле слышно проговорил мальчик.

Но доброго порыва хватило помещику на сутки. Когда Костя пришел к нему на другой день, то помещик сказал:

— Иди, пока работай помощником писаря в контору, а там—увидим.

Обманул помещик крестьянского сына, только в шутку поманил наукой. Началась писарская „наука“ под руководством пьяницы писаря, который вскоре всю работу взвалил на толкового ученика.

Но жажда знаний не оставила юношу. Знал он, что в барской библиотеке много книг. Подружился с людьми из барской челяди и через них получил тайный доступ в книгохранилище. Но большинство книг были на иностранных языках и особенно много на французском. На помощь пришел старый лакей, знавший французский, он тайно от всех выучил читать,

писать и говорить на этом языке полюбившегося ему Костю Каплина. Способный Каплин быстро овладел французским, и книги, написанные на этом языке, открыли ему свое содержание.

Каплину шел 21-й год. И не раз помещик, глядя на рослого, сильного парня, настойчиво предлагал: — Жениться, Константин, пора. Своей семьей заживешь, детей наплодишь.

Каплин настойчиво просил „не неволить“. Однажды Шереметев вспылал.

— Раз упорствуешь и хочешь жить один,— живи без жалованья.

Но не помогло и это „наказание рублем“.

Шли годы. Каплину исполнилось 30 лет. Не раз вставал перед ним вопрос: „Как жить дальше? Быть писарем или уйти?“ И он решил вернуться к потемственному ремеслу—шитью рукавиц.

С 1862 года начали выходить популярные сочинения по астрономии Фламариона: „Многочисленность обитаемых миров“, „Воображаемые и реальные миры“, „Чудеса небес“, „Воздушные путешествия“ и другие.

Еще в бытность свою писарем, Константин Иванович Каплин нашел в помещичьей библиотеке книги по астрономии. Они захватили его и перевернули все представления о мире. Каплин не раз перечитывал эти книги. Он решается написать Фламариону письмо. Тот, видимо заинтересованный необычным автором письма, немедленно отвечает, и между крестьянином-рукавичником села Богородского и мировым ученым завязывается оживленная и прочная переписка на долгие годы.

Каплин пробует свои силы в самостоятельных математических вычислениях. Об этом и других работах он пишет Фламариону, сообщает ему о своей жизни, о трудностях, которые встречаются в учебе. Фламарион дает Каплину советы, указания, стремясь оказать возможную помощь.

У Каплина появляется желание — обзавестись своим телескопом. Нельзя изучать небо только по книгам, картам и таблицам, да по наблюдениям простым невооруженным глазом.

Фламарион и здесь приходит на помощь Каплину. Он выбирает для него по средствам неслож-

ный зеркальный телескоп, сообщает адрес известного оптика, цену инструмента и добивается льгот у фирмы при покупке.

Средства сколачивались Каплиным долгим и упорным трудом: многие лишние часы работы, бессонные ночи, тысячи дополнительных рукавиц, сделанных им и проданных скупщику. Наконец, были скоплены нужные средства и приобретен телескоп. Шли уже семидесятые годы. В первую же звездную ночь Каплин направил в небо чудесную трубу. Быстро облетела Богородское молва о таинственной трубе, в которую „на небе всё видно“.

Каплин вступил в новый период своей жизни, в период служения науке, распространения астрономических знаний в деревне. Все свободные часы и дни уходили на чтение книг, преимущественно подлинников, на астрономические вычисления, усовершенствования в математике. Почти каждый звездный вечер отводил Каплин своей собственноручно оборудованной им обсерватории.

„Не очень-то легко заниматься таким делом после тяжелой дневной работы на пашне или же шитья рукавиц. Тем не менее, занятия шли и шли каждую мало-мальски безоблачную ночь, и к тому же шли по всем правилам науки“, — писал о Каплине известный писатель Рубакин, много работавший с русскими самоучками-самородками.

Каплин не хотел пользоваться один своими знаниями. Говорить, беседовать с соседями, односельчанами и со всеми, кто к нему приходил, об астрономии, о небе, истории земли было для него насущной потребностью. Он организовал астрономический кружок. Он устраивал для более широкой аудитории слушателей астрономические вечера.

Молва о самоучке-астрономе разошлась широко. Нередко к Каплину приходили крестьяне и из далеких сел — посмотреть звездный мир в чудесную трубу. Слушателей и посетителей было бы гораздо больше, но Константину Ивановичу Каплину, как он писал, пришлось сократить их приток, так как его беседы о земле и небе, основанные на научных данных, не нравились полицейскому начальству.

И все же, несмотря на косые взгляды этого

полицейского начальства и прямые предупреждения, Каплин отдавал много сил борьбе с суевериями неграмотной, темной деревни.

Каплин верил в прогресс, высоко ценил работу интеллигенции. Он страшно жалел о „гибнущих во тьме и невежестве талантах и способностях“. Всегда его заботили судьбы крестьянина. По глубокому убеждению Каплина, бедные всегда играли огромную роль в человеческом прогрессе, в народном „самопросвещении“.

В одном из писем Каплин писал: „Сколько было в минувших веках великих умов, как-то: астрономов, поэтов, историков и других знаменитых личностей, не все они были из знатных родов и фамилий. Конечно, многие и были, но преимущественно бóльшая часть происходила от бедных и неизвестных родителей“.

Однако одних бесед для просвещения народа Каплину казалось недостаточно. Необходимо было создать популярные, доступные малограмотным людям книги. Но так как их тогда мало встречалось, то в последние годы жизни Каплин берется за работу над популярной книгой по астрономии и за перевод на русский язык книг Фламариона.

В 90-х годах К. И. Каплин пишет свой „Краткий курс астрономии“ и начинает „Обзор геологической истории земли“.

Почти после тридцатилетней работы в самых неблагоприятных условиях, приобретя большие знания, Каплин заводит связи с людьми науки и литературы своего отечества. Личностью Каплина и его научными трудами заинтересовались ученые и общественные деятели. В Петербурге, еще при жизни Каплина, делается о нем доклад на заседаниях Астрономического общества. В Богородском, в доме у Каплина, бывали писатель Рубакин, председатель Нижегородского астрономического кружка — С. В. Щербаков, переводчик сочинений К. Фламариона — петербуржец Предтеченский и другие.

В Нижнем Константина Ивановича Каплина избирают постоянным членом местного Кружка физики и астрономии. О нем пишут в журналах. Ученые заводят с ним переписку, посещают его лично.

Каплин так и умер рукавичником, но он испытал огромное счастье человека, овладевшего наукой, познавшего муки и радости творчества и вдохновения.

Судя по воспоминаниям близких Каплину людей, смерть этого астронома-самородка была необычна. Почувствовав приближение конца, ночью 27 ноября 1900 года, Константин Иванович собрал остатки своих когда-то богатырских сил, встал, взглянул последний раз на звездное небо и упал бездыханный.

На рабочем столе астронома остались листы бумаги с его последними записями, обрывки его мыслей и среди них четверостишие неоконченного стихотворения.

Значение Каплина, как и других подобных ему самородков, живших и работавших в условиях царской России, было огромно. В них нашли выражение могучие силы нашего талантливого русского народа, его духовное богатство, смелость, настойчивость, глубокий патриотизм и преданность общему делу.